

Инь Шоу негромко кашлянул, прерывая затянувшееся молчание.

— Э-э... Любимая наложница... Мы... Нам нездоровится. Вчера Мы изволили перебрать с вином, и теперь голова идет кругом, — он старался подражать властному тону Чжоу-вана, надеясь усыпить бдительность Дацзи.

В глубине души Инь Шоу все еще сомневался, действительно ли перед ним лиса-оборотень, и решил пока отложить этот вопрос до лучших времен.

— Ох, — Дацзи встревоженно вскинула брови. — Быть может, Великому Вану стоит призвать лекарей?

— Не нужно, — отрезал он. Лишние свидетели его замешательства были ни к чему. — Пустяки. Мы немного поспим, и всё пройдет.

Дацзи смотрела на него с нескрываемым обожанием.

— Но Великий Ван еще не трапезничал. Сперва нужно подкрепиться.

При упоминании еды в животе у Инь Шоу согласно заурчало.

— Твоя правда. Вели подавать на стол.

Дацзи упорхнула отдавать распоряжения.

Инь Шоу поднялся с постели и плеснул в лицо водой из таза. Рана на лбу отозвалась резкой болью. Он уже начал жалеть, что отказался от лекаря. Вдруг в рану попадет зараза? Древняя медицина — штука сомнительная: воспалится, начнется горячка, и поминай как звали. Хотя, судя по легендам, его час еще не пробил. Смерть настигнет его на Лутае, в огне Башни, Срывающей Звёзды.

«Нужно будет обязательно взглянуть на эту башню, — мелькнула мрачная мысль. — Чтобы хоть знать, где предстоит превратиться в пепел».

Разум окончательно прояснился. В отражении на поверхности воды он увидел лицо Чжоу-вана — на удивление статное и даже привлекательное. Инь Шоу ожидал увидеть грубого, обрюзгшего старика, но государь оказался вполне крепким мужчиной в самом расцвете сил.

«Впрочем, чему удивляться? Кроме излишеств и разврата, чем он еще занимался?»

В той, прошлой жизни Инь Шоу звали Чэнь Тяньюем, и было ему двадцать пять. Страсть к

животным привела его на факультет зоотехнии, а после выпуска он устроился кипером в вольер к большим пандам. Работа была тяжелой, но вид пушистых подопечных окупал любую усталость.

Он тяжело вздохнул. Пути назад не было. Прошлого не вернуть, а впереди — лишь ожидание неизбежного финала.

Придворные слуги принялись облачать его в пышные одежды. Инь Шоу стоял, раскинув руки, и чувствовал себя совершенно беспомощным балластом. Здесь, в эпохе Шан, он был никем. Нужны ли этому времени зоологи? Вряд ли. Его знания о древнем Китае ограничивались парой сериалов и школьными обрывками истории. Он знал лишь конец: поражение при Муе и самосожжение на Лутае.

«Я — последний император. Династия гибнет, и я ничего не могу изменить. Моя задача — просто дожить до финала этой пьесы. Но смогу ли я вернуться домой, когда пламя поглотит башню?»

Его раздумья прервала Дацзи. Отослав слуг, она сама принялась поправлять складки его халата. Инь Шоу невольно напрягся. Эта женщина — или чудовище в её обличье — была его главной проблемой. Чжоу-ван слепо любил её, совершая ради неё безумства. Если он вдруг станет холоден, не заподозрит ли она подмену? С другой стороны, императоры — народ капризный.

Чэнь Тяньюй всегда сторонился женщин. Приятная внешность и мягкие манеры привлекали девушек, но он, осознав свою симпатию к мужчинам, не хотел никого обманывать. За годы работы с пандами он так и остался «зеленым» одиночкой, не имевшим опыта в делах сердечных.

Полная противоположность распутному тирану.

Вспомнив о жестокости Дацзи и погубленных ею верных подданных, он не почувствовал к ней ничего, кроме глухого неприятия.

— Я справлюсь сам, — сухо бросил он, забирая у неё пояс.

Заметив её удивленный взгляд — он снова забыл про императорское «Мы», — Инь Шоу быстро отвернулся, делая вид, что занят одеждой. Дацзи промолчала, лишь в её взгляде промелькнула странная тень.

На улице стоял июнь. После грозы жара спала, принеся желанную прохладу. Облачившись в тяжелые шелка, Инь Шоу едва не согнулся под их весом. Хорошо хоть, не пришлось надевать венец — голова и без того раскалывалась.

Они сели за длинный стол в боковом зале. Перед ними предстало истинное пиршество: груды яств, названий которых он не знал, палочки из слоновой кости и кубок из носорожьего рога и нефрита — в современном мире за один такой кубок можно было купить квартиру.

Древняя кухня оказалась специфичной: просяные лепешки соседствовали с крупно нарубленным мясом птицы и бараниной. На отдельном блюде высилась гора алых чертох, в другом — сочные плоды сливы. И венцом всего — чаша с черепаховым супом.

«Суп из черепахи с утра пораньше? — изумился Инь Шоу. — Это же вроде для мужской силы... Неужто у Чжоу-вана с этим были проблемы?»

Привыкший к скромным перекусам желудок зоолога едва справлялся с этим гастрономическим хаосом.

Дацзи почти не притронулась к еде. Она лениво вертела в тонких пальцах вишню, не сводя с него пристального взора.

— Почему ты не ешь, Любимая наложница? — спросил он, отложив палочки.

— Ваша рабыня уже сыта, Великий Ван.

Инь Шоу окинул взглядом стол. Еды хватило бы на десяток гвардейцев.

— Раз так, — вздохнул он, чувствуя, как внутри всё протестует против расточительства, — не стоило подавать так много.

— Но ведь так заведено, — Дацзи искренне недоумевала. — Разве Вам не по вкусу?

— Вчера Мы выпили лишнего, — быстро нашелся он. — Сегодня нет былой охоты к чревоугодию.

Дацзи качнулась к нему, словно ива на ветру.

— Если Великому Вану не нравится — прикажите убрать. Делов-то.

Она придвинулась совсем близко. Инь Шоу хотелось отшатнуться, но, помня о своей роли, он замер, позволяя ей вложить ягоду ему в рот. Когда слуги начали собирать посуду, он не выдержал:

— Фрукты оставьте. Остальное — раздать дворцовой страже и слугам.

Слова застряли в воздухе. Дацзи замерла, слуги в нерешительности переглянулись. Инь Шоу похолодел. Неужели он совершил непоправимую ошибку? Привычка не разбрасываться едой, вбитая матерью еще в детстве, оказалась сильнее осторожности. В его мире выбрасывать продукты было постыдно, но здесь...

Поняв, что молчание затягивается, он придал лицу свирепое выражение и рявкнул:

— Это Наш приказ! Пусть всё съедят до крошки. Если увидим, что добро выбросили — виновных ждет паоло!

Угроза сожжением на бронзовом столбе подействовала мгновенно. Слуги, бледнея, принялись за дело. Дацзи лишь понимающе улыбнулась, видимо, решив, что это какая-то новая причуда тирана.

Чувствуя, что в душном зале ему не по себе, Инь Шоу поднялся.

— Мы слишком сыты. Нужно пройтись. Составь Нам компанию.

Они медленно пошли по Королевскому дворцу Шан. Инь Шоу хранил молчание, пытаясь свыкнуться с мыслью, что теперь он — воплощение зла в человеческой истории.

Дацзи внимательно наблюдала за ним. Её забавляла эта перемена. Куда делась бывлая напыщенность? Неужели государь внезапно опомнился?

На самом деле под маской Дацзи скрывался Синьюэ Ху — самец девятихвостого лиса. Его сестра, Синьюэ Ху-старшая, должна была исполнить волю богини Нюйвы и погубить династию Шан, но застряла в родовых распрях на горе Цюлао. Брату-близнецу пришлось занять её место. Очаровать похотливого Вана было проще простого, и план по развалу страны шел как по маслу.

Сейчас Синьюэ Ху чувствовал подвох. Неужели этот смертный сорвется с крючка в самый ответственный момент? Армия Цзян Цзыя уже на берегах Хуанхэ, нельзя давать Вану опомниться.

Лис применил всю свою технику очарования. Он льнул к плечу Инь Шоу, обвивая его руку, словно бесплотный дух, стараясь вновь затуманить его разум. Но Инь Шоу, вместо того чтобы прижать «наложницу» к себе, лишь ускорял шаг.

«Да что ж она липнет ко мне, как банный лист? — злился он про себя. — Ног, что ли, нет?»

Стоило Дацзи приблизиться, как он делал широкий шаг вперед, оставляя её позади. Лис в облике красавицы окончательно растерялся. Неужели пресытился?

— Великий Ван... — пропела Дацзи капризным, певучим голосом, картинно замедляясь. — У вашей рабыни совсем нет сил... Ножки подкашиваются...

Инь Шоу лишь на секунду замер, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

<http://bllate.org/book/17393/1648628>